

Александр Маликов родился на ст. Арга, окончил госпединститут - альма-матер большинства амурских журналистов. Теперь работает «по специальности» в газете «Амурская правда». Автор предлагает фрагмент из романа «Сам себе волк». Роман стоит в плане на публикацию в литературный журнал «Дальний Восток» на 2004 год.

Александр Маликов

Блюз раздолбая

Нет, паскудой он стал не сразу. По известному раскладу мы с ним до поры не были нужны ни друг другу, ни даже родине-маме. Но вот однажды мы понадобились ей, и она призвала обоих на три года. Она нас как бы свела. В силу известных игр судьбы.

Во Владивостоке на пересылке мы попали с ним в один барак. Помню, как во время вечерней поверки впервые выкрикнули фамилию Фаскудинов. Я тотчас смекнул, какая погоняла ему стала б в самый раз. В этом смысле я ба-альшой затейник. И, главное, мои кликухи приклеиваются насмерть!

Мы познакомились. Нам было по восемнадцать, и были мы оптимистами. А как нам хотелось жить! В первый раз в самоволочку сбежали по его плану. Позже, не менее блестяще, придумывал и я.

Удивительно быстро летело время. Наши «годки» уже разъехались по учебкам, а мы все блудили. К середине июня на пересылке народу осталось совсем уж мало, и прятаться стало сложнее. Иногда нас поколачивали старшины: они явно не хотели получать за нас, блудливых котов. Жизнь мы им приперчили.

В какой-то момент я смалодушничал. Меркантильный бес попутал. Я спросил Серегу: мол, не пора ли нам сдаться. А то на складе ни ботинок не

останется, ни тельников. Нас иногда заставляли перекладывать это добро из кучи в кучу. Мне сразу понравились военно-морские ботинки. Вроде обычная кирзуха. Если б не эта замечательная наклепочка сбоку. Да и тельняху уже захотелось. Новую. Я, глупый, не ведал что тельняхи-то дают не здесь. Здесь нас лишь, как баранов, кучкуют, группируют по стадам. Перед тем как отправить туда, где выдают и тельняхи, и прогары. Много чего выдают. В придачу. Но Серегу сломать на меркантильном было сложно.

Много позже он станет меня справедливо трепать за то, что я в иные минуты мишуру, дешевые стекляшки или там заклепки на ботинках, принимаю за настоящее. - Ты, как папуас, покупаешься за перочинный ножичек, - говорит он. Но ведь и сам каналья конченный.

Однажды, осерчав на меня, он ушел в самоход один. Забрал мою почти ненадеванную на гражданке кожаную куртку, вельветовые клешенные брюки и ушел. Придя утром к завтраку совершенно убитым, по обыкновению стал рассказывать: чудом, мол, зацепился за одну компанию малолеток, где меж приличных подружек затесался один вроде как голубой. И что этот не так ориентированный полночи склонял Фаскудинова к соитию, нежности всякие, тьфу ты, говорил.

- Я не дался, - божился Серега.

Кто его знает?..

Для нас, амурских ротанов, Владик тогда был столицей. А все передовое аккумулируется в столицах. Оттуда и расползается. Наподобие чумы. Про пидоров мы слышали в Благе только лишь в связи со столицей. Это вроде Исакия. Знаем, что есть Ленинград, что есть Исакий. Но все - по открыткам да по фильмам. Уж не знаю, каким таким чудом Фаскудинов там в ночи зацепился, однако вскоре его чудо опухло. А за знанием про триппер никуда ехать не надо. Это во всех державных пределах дело известное.

Серега пошел сдаваться в санчасть. Старшие товарищи его поколотили. Досталось и мне, как подельнику. Обидно было, однако я стерпел, сколько-то побыл на карантине.

- Чересчур охочи вы до красивой жизни, - объясняли нам старшины. Какая уж там красота, если парень ходит нараскорячку, вроде беременной коровы.

И вот нас отловленных, опрокуроренных, под командой молодого летехи отправили на остров Русский. «Будете исправно служить - все у вас будет шесть шарей», - старался обратить нас в свою веру лейтенант. На рейдовом катере мы отправились на остров, находящийся в виду города.

- Вышел в море, вижу - буй! Боцман мечется, как фуй, - глядя на зеленую воду, задумчиво или даже ностальгически проговорил Серега. И добавил:

- Даже если служение родине не станет шесть шарей, все одно у жизни мы умыкнули-таки месячишко свободы.

Он и позже, всю свою послефлотскую жизнь старшины второй статьи запаса, а потом и жизнь ментовскую, и к месту, и не к месту вспоминал эту фразу. И в минуту отчаянья, и в минуту, когда надо принять трудное решение. При знакомстве, случалось, тоже вспоминал. Если, протягивая руку для привет-

ствия, говорил нечто вроде «вижубуй», это означало, что либо человек ему не шибко интересен, либо он сразу на дух его не принял. Я умел это отслеживать. Поскольку только я знал. Я ведь тогда стоял с ним локоть к локтю, держась за леера рейдового катера.

А тогда я с ним согласился. Однако сердечко в нехорошем предчувствии зануло, затрепетало. И ведь не напрасно вещало, ой, не напрасно.

...Трипперное пополнение пришло, разлетелась весть по острову. На нас приходили поглазеть старослужащие, водили экскурсии молодых курсантов. А иногда, ведя шефские байки-разговоры с депутациями гражданских, командиры снисходительно на нас кивали - вроде как на достопримечательность гарнизона - на Красном флоте, мол, и такое бывает. Но в остальном, распрямляли они спины, с обстоятельствами стараемся бороться и флотскую дисциплину крепим...

Я вроде был ни при чем, но не знал, как себя вести. Тогда как все считали, что мы с Серегой заодно. Так-то оно так, конечно. А вообще нам бы с ним деньги брать за просмотреть, жизнь можно было б устроить какую?! Я не серчал ни на Серегу, ни на старшин. Я их старался понять. Ведь на острове ни девок, ни танцев, ни кино. Никакой культурной жизни.

Некоторое время старшины шарахались от нас, как от прокаженных. Отдельный стол выделили, отдельную посуду, которую заставляли носить с собой в специально сшитом мешочке. Ну хоть ложку не засверлили, и на том спасибо. Так что услышать нас с друганом можно было издали. «Трипперная рота идет», - сопровождали возгласами отправку и возвращение из столовой мающиеся от безделья дембеля. Мне даже жаль стало выбрасывать куль с посудой, когда командир роты приказом запретил «этот бардак и издевательство над личным составом». Акты поражения в правах тотчас отменили. Мы с Серегой перестали быть достопримечательностью и сделались такими же, как другие курсанты. Вечно голодными, слегка зашуганными и страшно ждущими малого дембеля с этого приснопамятного острова.

Однако уже в первую ночь в учебке нас, двести курсантов первой роты школы связи, сделав аварийную побудку и потренировав пару часов на подъем-отбой, заставили свернуть свои матрасы и бежать на стадион. Марш-бросок в полной выкладке называется. Наша полная выкладка то и дело выпадала из матрасов, мы путались в простынях и подушках, задние роняли нас на грунтовую беговую дорожку. Мы хватали с земли оброненное барахло, устремлялись вперед и роняли передних... К рассвету, однако, же вернулись. Но дальний был путь.

Иногда мы штурмовали сопки с бачками для варки харчей, мели плац ломами, бегали «в соседнюю деревню» с ведрами за водой для бани, тогда как насосная прекрасно работала... То есть бывало совсем смешно. Так сложилось, «хохотать» нам было легче на пару с Серегой, и мы сдюжили, нигде ни на минуту не уронив достоинства. Во всяком случае, хоть и вечно голодные, не жрали, укрывшись от товарищей в сортире на очке, батон со сгущенкой, не ссались в строю и не пытались закосить под безнадежно больных в надежде попасть под комиссию. Сдюжили, в общем.

Потом нас расписали на Камчатку. Мы на сто раз извернулись и попали служить на одну подлодку. Впрочем, Камчатка у служивого народа слывет тем еще курортом. А потому путевки туда получили без большой мороки.

- Хоть на самую хреновую, но чтоб вместе, - просил я кавторанга. - Пусть она даже и не погружалась бы.

- А может, вас на такую, что уже и не всплывает? - съерничал офицер. И «отписал» нас каплею Мухину.

- ...Смотрите, чтоб все у вас было шесть шарей, - решительно предостерег нас Мухин.

- Ой, нельзя ли хоть тут без шаров, а? - нервически, однако же и с элементами сарказма стал просить каплея Фаскудинов, памятуя, сколь непросто катали мы шары на Русском.

- Без шарей нельзя, - отрезал каплей. Знал бы кадровый военмор, какой подарок он огреб в нашем лице...

Наблевавшись, намаявшись на переходе морем из Владика в Петропавловск-Камчатский, убитые качкой, пока мы удовлетворились уже тем обстоятельством, что наша лодка находилась в ремонте и выйти из дока должна была не скоро.

Познакомившись с экипажем и не увидев среди краснофлотцев устрашающих морд, а также наконец-то нажравшись от пуза в столовке, на эмоциональном подъеме мы тотчас засобирались сбегать в самоволочку познакомиться с восточным Питером. Однако нарвались на Мухина.

- Мы мигом, ребятам печенья к чаю принесем, - бодро сообщил Серега каплею и попытался чухнуть у того под рукой. Он ведь уже успел усвоить, что инициатива лишь тогда ненаказуема, когда она действительно инициатива: быстра, реактивна и нахальна. Однако наверняка Мухин про все это уже знал. И Серегина шинелка затрещала у него в клешне.

- Да я... Я... - делал потуги объясниться Серега. - Я...

- Головка от фуя! - вперив взгляд своих немигающих стеклянных, вроде бы серых, глаз на Фаскудинова, простонал офицер, продолжая валять в пыли моего товарища.

- От торпеды головка, - язвенно поправил фразу каплей. Вроде как давая нам понять, смотрите, сопляки, все про вас наперед знаю. Станете шалить, жизнь пойдет скверная. Жестко? Но лишь чуть-чуть. Это чтобы позже уже не терять времени на воспитание.

Я не убежал. Я настороженно выжидал, гадая, в какой момент замполит оставит Фаскудинова и займется мной. Лучше бы сразу. Но меня бить он не стал. Странно. Ну и порядочки у них. А как же тогда крепить дисциплину?

- И тебе уже говорил про шесть шарей, - обернувшись, напомнил мне каплей.

Спорить я не посмел. К дьяволу!

Ночку мы скоротали в трюмах подлодки, выбирая масло под паелами. Масло было не сливочное, отработка в основном, да черные жирные сгустки. Однако

железяка истекала не только маслом. Какой только срани тут не было! Прочувствовали мы и другое: нырнуть лодка наверняка сможет, а вот всплыть... Между тем уже в получасе хода из ворот Авачинской бухты глубина до пяти километров! Субмарина шибко напоминала заурядный кухонный дуршлаг. Так что бегать с матрасами по стадиону было куда как безопасней и здоровей. А тут, вперемешку к этой новой тревоге, нас еще и Мухин поколачивал. Не часто. Но больно, черт! Встретит после побега на волю на «самоходной тропе» у забора, отгораживающего бригаду подлодок от нормальной жизни, или в гальюне, и эдак с характерным сопением, без слов, ка-ак прорубит по грудaku! Аж ребра в комок, и сердце норовит выпрыгнуть из груди через рот. И все без свидетелей. Да и на что жаловаться?

Мы с Фаскудиновым валились на палубу сразу, не споря с учителем. Лишь ручонки складывали на животе: сознаем, падла, - не правы.

Однако девчонки в Питере были на редкость хороши, отчаянны и уступчивы. Мы бегали к этим оторвам, буде на то удобный случай. И получали, и болели «грудной жабой». Бил, гад.

Все бы ничего. Хаживали морями, как-то были заняты делом. Удивительно, после каждого погружения наша лодка неизменно всплывала, и все было ровно и сносно. Пока треклятого Мухина не угораздило привести в экипаж на празднование новогоднего праздника свою женку.

Легенды, будто бы его хохлушка - красавица редкая, волновали воображение и прежде. А тут я все увидел сам. А когда в ходе шефского праздничного концерта она спела «Не отрекаются любя, ведь жизнь кончается не завтра. Я перестану ждать тебя, а ты придешь совсем внезапно...», я, признаться, влюбился в нее сразу. Я испытующе, оценивающе осмотрел разношерстную публику, собравшуюся в этот вечер в клубе бригады, и не мог не понять, что именно мне она пела эти сакраментальные вещи! Ну а кому еще тут можно было ТАК петь?! И это ее мецца-воче негромкое красивое и из самой глубины поднимающееся, как лодка на всплытии... Только мне. Я еще раз оглядел зал. Однозначно - мне. Даже слеза навернулась. Три пары ботинок в самоходах сносил! Вошь с лобка гонял, еще от какой-то напасти, высыпавшей на коже розовыми соцветиями, лечился... От патрулей на пределе возможностей организма набегал как от Москвы до Питера! Соплей из меня Мухин выбил с ведро! А тут вот она! И на все согласна!

Но я дежурил по расположению; то есть ни при каких обстоятельствах не должен был отпустить военморов в самоход: назначен был обеспечить кадетам и сундукам, а заодно и их супругам и подругам праздник. Мне это не нравилось, поскольку накануне мы с моей питерской подружкой договорились встретить дембельский год вместе.

Праздник состоялся. Даже Мухин над нами не глумился. Столы еще не были накрыты. Наши гости, опять же жены и подруги офицеров и мичманов, без энтузиазма перемещались из помещения в помещение в поисках какого-либо занятия. Командир приказал, и я сводил их в музей бригады. Одной сундучьей

женке захотелось с пользой скоротать остаток времени до застолья, и она попросила зама по работе с личным составом показать подлодку. «Объект серьезный, объект секретный», - делал попытки отмазаться каплей. Но быстро уступил. И мне пришлось вести дам на экскурсию.

Было ветрено, заряжал снег, ветер отчаянно хлестал по нашим лицам. Море волновалось в бухте балла на три, и трап, ведущий от пирса к рубке субмарины, скрежетал металлом. А порою и вздыбливался, будто встающий с колен верблюд. Не знаю, какой такой случился в моем сознании слом, может, на почве праздничной эйфории, но в какой-то момент я подхватил певунью на руки и понес по трапу к рубке. Донеся приятную, округлую везде, где надо, ношу до середины прыгающего на каждом шаге трапа, я совершенно безотчетно, как бы на автопилоте, произнес:

- Могла бы оседлать такого жеребца, певица? Со мной не пропадешь. Предлагаю чухнуть из этого гарнизона вместе. Хорошо тебе прятать красоту среди лысых сопок. Всю жизнь буду носить на руках. Сможешь? - трепетал я в ожидании ответа на свою дурку.

- Легко. И сколько же еще мне прятать свою красоту? - совершенно трезво, отдельно и четко выговаривая слова, спросила она.

- Полгода осталось, - еще не веря в возможность столь стремительного развития событий, я остановился и практически уронил красоту на трап.

- Обещал на руках носить. И не выдержал уже первого испытания.

- Все выдержу, все преодолею, - немедля соврал я относительно глубины своих намерений. - Верь старшине почти уже запаса!

- А сколько у тебя этого запаса-то?

- Двадцать сантиметров, - бессовестно приврал я.

- Да разве ж я о том, - разочарованно заметила она. - Ну да ладно. Считай, верю, служивый. Остается скрепить соглашение. Чем скреплять будем?

- Соплями моими, - тотчас нашелся я и шмыгнул носом. Меня просто кололо от предчувствия большого, открывавшегося мне с этой минуты. Даже озноб пробил и еще какая-то истерика случилась.

Однако мы замечательно прогулялись по лодке. Я просто летал! Если это слово вообще может быть применительно к кораблю, раньше всего известному своей чудовищной теснотой. Трюмные первого года в боевых походах даже расписаны спать на койке, прикрепленной над грохочущим дизелем! Но тогда я летал! Я наврал бабенкам с три короба. Хотели б, наврал бы и больше. И про непреходящие достоинства нашей субмарины (в быту мы называли ее не иначе, как ныряющим металлическим гробом), и про романтику дальних походов. Они много удивлялись. Но кто на подаче-то был!

Мы гуляли, покуда одна сундучья женка в переходе между отсеками не набила себе шишку. Ее мордаха в пять минут неприятно отекала.

- Элечку не тронь, - не столь дружески или участливо, сколь злобно предупредила она. - Мухин тебя в порошок сотрет! Лучше послушай, как у меня за вас обоих сердце колыхается, - проговорила она одновременно с возложением

моей ладошки себе на грудь. Свободной рукой я вымазывал остатки аптечного йода ей под глазом.

Сердце у нее действительно колыхалось, и было не меньше четвертого размера. Много ли надо, чтобы взбудоражить матросу воображение? Однако теперь-то мне хотелось уже совсем другого. Это все равно, что прыгать в высоту метр тридцать, когда готов и есть посыл взять два!

В одну из длинных и вьюжных январских ночей, когда Мухин дежурил по дивизиону, я ушел-таки в самоволочку и Элечку тронул.

А перед тем мы поспорили с Серегой, что я смогу это сделать. Что я трону. И он проспорил. Хотя попробуй-ка докажи этому хлысту! Что такое должен был я принести ему с рандеву в доказательство, чтоб он мне поверил?!

Однако плевать на него, плевать на всех! Важнее, что я сам про себя знал: теперь во всем гарнизоне я - король! Приятней было б ощущать, что и другие в это верят, что признают мои претензии на корону. Нет, ну я смог. Смог!

Иногда обсуждение моих достижений заходило совсем уж далеко, до драки, до сшибки и рубки, когда мы месили друг друга бляхами, стулья рассыпались в наших руках, на наших спинах... Нас всех «развел» Мухин.

В один из дней, когда я дежурил по экипажу, он вызвал меня к себе звонком, я неспешно и несуетно вошел в Ленинскую комнату... и он с ходу прорубил мне по грудку. Схлебнув слюни с соплями и, наверное, кровью, я однако не позволил себе завалиться на палубу. Я нигде особо не провинился, с чего б мне валиться! Всегда - да, но нынче вахту нес исправно, доблестно нес, и дня три уже не был в самоволке.

- Ты че, волчара, я на службе! - пробулькал я, выгоняя наружу запертый в груди воздух. Но капель сделал досыл, и я лег. Однако за счет внутренней исконной дури и какого-никакого характера я сумел-таки форменным ботинком лягнуть его по колену, а потом еще и сделать подсечку. Тут же вскочив, отбил судорожную попытку ухватить меня за ногу и юркнул за дверь.

Будь что будет. Ну не сгноят же меня в дээрловских каменоломнях только за то, что жестковато, не по-свойски отмахнулся, рассуждал я. За что в дисциплинарную роту? Впрочем, уверенности в собственной правоте не было. Были вообще какие-то миги...

Однако никто из командиров меня не вызывал. Следовательно в бригаде не появлялся. И я помалу успокоился. Я даже больше стал думать о том, сколь усложнилось Элькино прожитье. О ней я стал думать. И совсем, знаете, по-новому, как о близком человеке, не как о соучастнике. Мы ведь догадывались с нею, чем это все в результате может закончиться. Да только как теперь ей жить?

А жича ее и вправду испортилась. Муха теперь перманентно ходил пьяненький, говорят, и ее поколачивал. Для порядка, наверно. Мол, выводы сделаны, работа проводится. Чтоб видела общественность. Новости до меня доходили одна другой убийственней. Хотя насмешников из офицеров да сундуков Мухин тоже окорачивал, но скандал разрастался. Я уж стал подумывать, лучше б я мял сиськи той сундучки. Наверняка б все живее были. Но что теперь можно было

сделать? Нет, я не мог так жить. Это было противно моему нутру. Сговорившись с Фаскудиновым, мы решили каплею поучить.

И вот ночь, я стою в подъезде пятиэтажки, мы с минуты на минуту ждем появления объекта. Серега дежурит в кустах в скверике. Он вооружен обрезком трубы. Иногда я выглядываю из двери и вижу, как мой подельник медленно замерзает, но и вижу, сколь он сосредоточен. Так серьезны и уперты, наверно, бывают только бейсболисты в финальной игре, где на кону - миллионы! Мы-то за что боремся? «За справедливость», вроде как кивает мне из кустов друган, когда я бросаю в его сторону взгляд, вовсе не исполненный веры в правое дело. Мы твердо намерены Муху кончать. Меня в тесном, провонявшемся испражнениями домашней живности, подъезде холодок по спине пробирает. А уж каково на свежем воздухе Сереге?..

Мухин, появившийся далеко за полночь, был явно «под мухой». «Ну как с такой испитой мордой можно работать с личным составом?!» - хотелось бы мне его спросить. Но к этому времени мы уже устали подогреть бродивший в наших венах раствор злобности. Однако дело серьезное, и стоило только каплею прошаркать по асфальту, как я вновь подобрался и изготoвился встречать. И встретил. Стоило ему открыть дверь. Валить надо было сразу, пока его поганые зенки не привыкли к свету в подъезде.

Удар пришелся в лоб и вышел слабее, чем хотелось бы. Хотя я подложил в кулак специально приготовленную свинцовую отливку. Мухин что-то вякнул и шарахнулся в сторону, устояв-таки на ногах. Но тут сработала засада, сзади навалился Серега. Что есть силы, а в общем неуклюже, он сунул трубой каплею в спину. Затем, запаниковав (расчет действий оказался никудышный), пнул любимого командира востроносым форменным ботинком пониже спины. А я на противоходе аккуратненько так, с протяжечкой, достал его справа крюком. И только тогда Мухина проняло, он всхлипнул и мешком стал валиться на порожек в междверном пространстве.

Черт! Как мы не рассчитали, что в тесном подъезде труба не «заиграет»! Не было места Сереге размахнуться. И Мухин выжил. Да еще как! Он взвизгнул, будто свин под швайкой, и стал подниматься. Нам бы его дотоптать, но куда-то запропал Серега... Мне ничего не оставалось, как броситься наутек вверх по лестничным маршам. Пять этажей я пролетел на одном дыхании, стремительно, словно черная птица баклан. Сзади медведем ревел и быстро поднимался мой оппонент по разговору в ночном подъезде. Все же каплею было хуже сразу по двум причинам. Он был тяжелее, да и настроение, понимаете, то еще. Ему явно было плоховато. Хотя и недостаточно плохо.

Мне тоже было не здорово, но теперь не это было главное. Важнее, чтоб был открыт люк на чердак. А потому, пока бежал вверх, я не переставал молить всех известных мне богов, чтобы выручили. И они выручили.

Покуда крупный, грузный каплей протискивался в чердачный люк, я успел нырнуть в слуховое окно, пробежать по кровле и начать спускаться по пожарной лестнице вниз. Я еще раз попросил богов, чтоб лететь с лестницы было невысоко.

Выручать они больше не хотели, и я шарахнулся спиной и головой о замерзшую помойку, спроворенную здесь наиболее ленивыми из кадетских и сундучьих женок. Мне недосуг было выматерить боевых подруг...

Хромая, чертыхаясь, я прибежал в экипаж, скоренько, как был, в форме, едва сбросив бушлат, забрался под одеяло на своей шконке и, сколь достало таланта, попытался притвориться спящим. Не давалось успокоить дыхание, однако же и пришлось. Когда в кубрик вломился Мухин и стал искать...

Призвав дневального, он направился к моей койке. Я, как только мог, старался казать морду умиротворенной. Я же спал.

- Ларионов, - смраднодохнул мне в физиономию каплей, - ты самоволил у меня в подъезде?!

Поначалу мне хотелось сказать этому... этому дремучему каплею: мол, что за дурацкая постановка вопроса, на редкость глупая постановка. Это не русский язык, а какая-то помесь половецкого с татарским. Но я сумел окоротить себя в первом желании, пожевал спросонья губы, поморщил нос и «сонно проговорил»:

- Загребли вы уже, тащ капленант. То давеча по роже ни с того ни с сего, то вот, время за полночь, над подчиненными глумитесь. Думаете, Гаагского трибунала на вас нету? И осторожно, дабы не выдать себя, повернулся на другой бок. Еще сколько-то каплей пытал дневального, выпрашивая, кто же на самом деле был в самоволке.

- Смеяться будете, не поверите, - божилась вахта, ела командира глазами и искрилась правдой, - но сегодня хоть бы один!

А затем, заметно сочувствуя, уже дневальный принялся выпрашивать Мухина, мол, с чего это вдруг по роже прилетело ответственному за работу с личным составом.

- Нынче разбаловались сундуки, ой разбаловались, - посетовал за весь военно-морской флот дневальный.

- Да при чем тут сундуки? - недоумевая, уставился на старшего матроса все еще пьяный Мухин.

- А че им делать-то? - стал объяснять матросик, - харю дармовым спиртом зальют и ищут на жопу приключения! Им же за просто так халявную пенсию ждать скушно. Развалили сундуки флот, как есть - развалили! Это через их в войсках разброд и шатанье.

- На дежурстве по кубрику сгниешь у меня, - злобно высверкнув очами, прошипел каплей. Видать, понял военмора по-своему. Но и удалился.

Как бы то ни было, колотить супругу с той поры он перестал. Думаю, Муха в целом был человек чести. Наверно, ему хотелось навести в части должный порядок. Чтоб все было по уставу. Но тут какая-то зараза забабахала ему по роже. Явно - не женщина. Стало быть, мужик. И он решил до выяснения женку не трогать, здраво рассудив, что неча отвлекаться по мелочам, когда тут быкам надо рога отшибать.

В этой ситуации я стал осторожнее. Но как тут будешь совсем уж осторожен, как не наследить, как не наоставляешь меток, подобно шелудивому Трезорке,

коль такая мотивация!? Ах, Эля! И я бегал в самоход. Поскольку и тогда считал, и теперь: если отрезать от свободы кусочек, то и вся свобода перейдет в этот кусочек. Жаль, не я первым придумал так сказать. Никакой заразе ни кусочка! - вот мой лозунг.

Теперь касательно прозвищ. Все-таки бросил меня тогда в тесном подъезде Фаскудинов. А потому - паскуда, как есть паскуда.

Мы с Элей стали видеться реже. Так, урывками - какие-то взгляды, знаки, когда мельком встречались в городке. Мухин, конечно, никуда не делся, продолжил нести свою нелегкую службу по охране собственной жены. Зачастую, находясь на дежурстве, прозванивал, законно желая убедиться, что честная, что верная. Да уж верная! Контролер хренов!

Ища выхода энергии, я немного помаялся. А потом отнял у молодого матросика должность корабельного почтальона, ежедневно стал ходить в поселок, и мы продолжили с этой певучей девчуркой видеться. Хотя на исходе службы почтальонить не было принято. Вроде даже как запахло. Мы ведь были «годки». Или не годки, а гады. Так иной раз на построении выказывал нам, старослужащим разгильдяям, свое офицерское презрение Мухин.

Во многом наша с Эльвирой связь шла через подметные письма, так ею обзывались наскоро исписанные странички со значками, полунамеками - почти криптограммы. «Почему подметные? - не соглашался я на уценку, - просто письмо». Иногда она приглашала комсомольский актив бригады на мероприятия в клуб, где заведовала, и мы с Фаскудиновым шли поучаствовать. Как же, тот еще актив... Серега не мог не видеть, какие у нас с Элей вызрели отношения, и все больше удивлялся, и все больше уважал. Да уж, это вам не триппер на скаку хапнуть, тут была нужна большая умственная работа. Иногда я делал к нему снисхождение: мол, паря, немного терпенья, и тогда, может, через меня хоть каких-то умственных вершушек похватишь, жисть-то длинная, авось сгодится.

В мае, едва дождавшись бумаги об увольнении, я засуетился, желая скорее покинуть полуостров. Ну не проникся я гордостью за наш военно-морской флот, не сумел полюбить его беззаветно. Поэтому чудо-бескозырку себе не шил, парадные ботинки до профиля танка не формовал, клеш, чтобы внизу было сорок сантиметров, не торпедил, бляху на ремне не стачивал, погон, чтоб гудел, не гнул... Может, еще и подруга была тому причиной. «Я от золотого галуна не писаю», - любила заметить она просто так. В любом случае, все эти штучки я воспринимал за вздор и не изощрялся, не корячился, хоть вокруг велась ажиотажная дембельская подготовка.

Главное, мы с девчонкой удачно попали на отходящий пароход. Тот самый. Все объяснения с мужем она оставила на потом, опять же, на эпистолы.

В моей жизни это были самые счастливые дни. Море было спокойно, корабль не качало, качало нас. Впервые и днем, и ночью рядом со мной была роскошная женщина. И не на одну ночьку либо на какие-то миги, а прочно. Так мне казалось. Но хотелось ли мне строить с нею отношения долговременные? Если честно, я не был в том уверен. Тогда зачем выхватил девчонку из-под Мухина? Просто выхва-

тил и все. В точности, как ребенок при сосредоточенном возведении домика из кубиков хватает строительный материал у своего взрослого помощника: про межличностные отношения ребенок еще мало что понимает; ему просто хорошо, ему строительно. Вот и мне было просто хорошо.

Посередь ночи без сна я таращился в переборку или подволок каюты, пытаюсь думать, как стану обустраивать свое прожитье в демобилизованном будущем. А потом, вернувшись мыслями в каюту экономического класса, я с удовольствием видел - вот она, только протяни руку. Девчурка хорошая, мягкая и красивая. Бэушная, правда. Однако эту мысль до поры я старался от себя гнать. Есть девка, и все запросто: не надо идти в самоволочку, нет необходимости форсировать бухту на подручных плавсредствах, все время думая, как станешь возвращаться назад в расположение, не надо скрываться от погони сундучьего патруля, не надо выпрыгивать из окна третьего этажа, когда у подруги возникают какие-то непонятки и кто-то неожиданно возвращается домой... Не-ет, это совсем другая жизнь. Весь бы ее остаток вот так идти морем: неспешно, красиво. Я с удовольствием подмечал, сколь завидует мне Фаскудинов. Глазами он ее уже тысячу раз поймел, и так увлеченно кончал носом, что я не раз обращал его внимание, чего, мол, вдруг засопливел, падла. Он даже перестал ходить вместе с нами в бар. И поделом ему. Я зла, конечно, не держу. Просто у меня память хорошая. Так что, сколь ни был я благодарен Сереге за тот свершившийся акт справедливого возмездия, когда мы немного повалялись Мухина, однако же бросил он меня. Бросил. Случалось такое и позже. До определенного момента мы идем рука об руку, но в судьбоносный момент он всякий раз куда-то исчезает. А еще стонет: не согласный-де, не паскуда, мол. Паскуда!

Я больше думал о том, как примут меня родители с мужней бабенкой, как пойдет жизнь дальше, как все устроится. Одобрение стариков было б совсем не лишним. Элька умная и на редкость утонченный, чувствующий человек. Как-то после обеда, когда мы вышли с нею на верхнюю палубу теплохода, она вдруг сказала:

- А ты не бери много в голову. Я еду в Хабаровск на сессию. Побудешь дома, осмотришься, посоветуешься. Захочешь, приедешь и забереешь меня. Последний экзамен десятого июля. У тебя есть два месяца.

- Если этот бык за тобой не приедет, - тотчас вставил свое на грех находившийся рядом Фаскудинов, - я приеду за тобой.

Это он моей девке пообещал. Помнится, я еще глянул на него испытующе и понял - этот волчара может.

- Вот и хорошо, - внутренне засветилась Эля. - Я вижу вы, амурцы, не дадите девчонке пропасть.

Вот вам и весь паскуда! Крякнет не в строчку, и думай, не спи...

Такую женщину я не смог ни уступить, ни переуступить. Какого хрена! Я жизнью рисковал! Мухину военмора размазать по стеклу, что таракана решить? В очередь не записываю, сукины дети!

Между тем, следующие двадцать лет получились относительно ровными. Хотя и чересчур пьяными.